

Курбатов С.

Антон Чехов

Источник: Заря. Харбин, 1934. 30 января. № 26. С. 2.

17 января 1904 года Художественный театр справлял юбилей двадцатипятилетней деятельности Антона Павловича Чехова.

Незабываемое зрелище!.. Лавры, речи, ларцы с адресами, телеграммы, и аплодисменты, аплодисменты без конца.

На сцене Художественного Театра, под высокими серыми сукнами под символом Художественного Театра – изображением Чайки в стилизации художника Шехтеля, стоял сам герой овадий. Он стоял бледный, с яркими красными чахоточными пятнами на щеках, с трудом слушая то, что ему говорилось... Иногда и любовь бывает тяжела!

Чехов умер меньше, чем через полгода после этого чествования. Почему же он не поберег себя? Почему же больным пошел он на это чествование? Из-за своего самолюбия?

Невероятное предположение! Антон Павлович сказал, почему он пошел на это чествование: нужно, чтобы чествовали писателя! – сказал он.

Нужно, чтобы чествовали писателя! Нужно, чтобы слушали писателя! – вот смысл этих слов.

И если теперь мы спросим, кого из российских писателей мы должны бы слушать, как раз в наше время, кто из них всего больше подходит к нашему скорбному времени, то, пожалуй, – это всего больше Чехов.

Правда, не тот Чехов, к которому нас приучила обычная наша литературная критика, не Чехова «настроений», нюансов, полутонов. Критика изображала Чехова как «певца сумеречной жизни», «певца лишних людей».

В тот юбилей, в который чествовали Чехова, был представлен впервые «Вишневый сад». «Вишневый сад» доселе служит у нас образцом «чеховского творчества». Доселе «Вишневый сад» считается гимном умирающей, отходящей жизни русских людей, означивших собою целую полосу русской общественной истории... За элегическим курлыканьем Гаева, за нежными речами Любовь Андреевны, за кряхтением Фирса – оказались просмотренными те сильные ноты, которые слышны в речах Лопухина, в речах студента Трофимова. Довольно же «Вишневый сад» понимать так, как высокую похвалу умирающим слабым, хотя и бесконечно милым безвольным людям... Нет, это умирание просто грустно по существу, грустно так, как, например, грустна нам осень, эти редкие мелкие дожди, это унылое облетание желтого сада... Грустно и мило, но никто же, господа, не хочет жить только осенним временем. За осенью – жестокая серебряная зима, – а там опять весна, опять цветущий розовый, красивый – точно провинциальная барышня в воскресный день – «Вишневый сад».

Чехова считали все почему-то пессимистом, а между тем – он был самый настоящий оптимист. Бодрый, сильный, смелый.

Только очень мягкий, не тащаций публику к ее спасению за шиворот.

Принято говорить, – пишет он в рассказе «Крыжовник», – что человеку нужно три аршина земли... Но эти три аршина нужны трупу, а не человеку... И говорят тоже теперь, что если наша интеллигенция уходит в усадьбу, то это

хорошо... Но ведь эти усадьбы – это тоже те же три аршина земли! Уходить от города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, своего рода монашество без подвига... Человеку нужно не три аршина земли, а весь земной шар, вся природа, где бы он на просторе мог бы проявить все свойства своего свободного духа...

Почему же такими грустными, теплыми, закатными тонами освещен «Вишневый сад»? Да потому что он изображает тот же уход от схватки с жизнью, от борьбы, от действия... Сначала – уединиться в деревню, потом в Париж, определиться на службу... И все... Конец, заглохание тихого, сонной ряской подернутого пруда.

В рассказе «Крыжовник» герой его, всю жизнь мечтавший иметь усадьбу и, наконец, купивший ее, ест крыжовник из своего огорода и страшно доволен.

«Он брал по ягодке и ел... Я соображал: как в сущности много довольных людей, счастливых... Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь... Наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность, невозможная теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем, во всех улицах и домах – тишина, спокойствие. Из пятидесяти тысяч живущих в городе нет ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился... Мы видим только тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников, но мы не видим тех, которые страдают, и что страшно в жизни – происходит где-то за кулисами... Все тихо – протестует только одна немая статистка – столько-то сошло с ума, столько-то ведер выпито, столько погибло от недоедания...»

Замерзло на улицах и покончило самоубийством! – добавим мы.

Каким же должен быть человек, о котором мечтал Чехов? Чехов не проповедовал этого прямо, но в вольных речах доктора Астрова, полковника Вершинина, в речах других бесчисленных его персонажей мы видим, что Чехов звал к деятельной, изящной, красивой, доброй жизни, верил, что через сколько-то лет жизнь будет прекрасна. И мы имеем одно письмо Чехова к брату, правда, шуточное, но которое полно мудрейшим содержанием: Кто такие «воспитанные, идеальные люди»? – спрашивает Чехов и говорит:

– Они уважают человеческую личность и потому очень уступчивы.

Уходя, они не говорят никому – «С вами жить нельзя!»! они прощают и холод, и шум, и пережаренное мясо, и остроты...

– Они болеют душой от того, чего не увидишь простым глазом.

– Они чистосердечны и боятся лжи, как огня... Они не пускают пыли в глаза меньшей братии... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат...

– Они не говорят: Меня не понимают!

Или:

– Я разменялся на мелкую монету!.. Это все бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

– Они не суетны... Они смеются над фразой: – «я представитель печати» ... истинные таланты всегда сидят в потемках, подальше от выставки. Они уважают свой талант и жертвуют для него суетой, покоем, женщинами, вином...

– Они не могут заснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, ходить по заплыванному полу... Они не трескают походя водку,

ибо они знают, что они не свиньи... Пьют они только тогда, когда свободны, или же при случае... И т. д., и т. д.

Как будто бы невысокие требования, но стоит лишь только подумать, и будет ясно, как верна эта старая картинка, нарисованная тем же улыбчивым Чеховым...

Пишущему эти строки пришлось в 1910 году возлагать с группой студентов венки на памятник Чехова в Бадевейлере, там, где он скончался за пять лет до этого, в годовщину его смерти.

Памятник его, изображающий его статую в шляпе, смотрит на широкий горизонт Рейнской долины, с синими Вогезами на горизонте... Венок из прекрасных белых роз был положен, и мы все уселись на скамейке рядом с памятником... Догорало солнце чудесного июльского дня... Один из коллег достал из кармана письмо...

Так как о возложении венка было опубликовано в газетах, то пришло из России несколько писем... И одно письмо было от учительницы откуда-то из глубокого уголка Сибири... Она просила прочесть его перед памятником...

Я не помню точно уже содержания этого письма... Но она просила в нем нас, счастливых, получивших образование «за границей», не забывать и тех, которые, подобно ей, проводили свою жизнь в далекой Сибири; не только вспомнить о них и от имени этих миллионов безвестных «тихих людей» принести привет великому писателю, но в будущей нашей деятельности всегда помнить о том, что и им тоже нужно и свет, и тепло, и цветы, и хорошие книги, и музыка, и все, что называется жизнью...

Это письмо читал я... После того, как оно было прослушано – мы молчали... Широким закатным пламенем догорало солнце, в карауле в парке курорта играла струнная музыка...

Тридцать лет тому назад умер Чехов, двадцать пять лет тому назад прозвучало это письмо... А разве не так же далеки те прекрасные цели, которые намечены и в писаниях Чехова, и в том письме сибирской безвестной «училки»? но разве вместе с тем за тридцать лет слова Чехова не звучат все громче и громче:

– Нужно, нужно, чтобы чествовали писателя!.. Нужно потому, что он сказал то слово, которое забываем мы за шумом нашей суетной жизни...